

Ксения Руднева

Семейный бизнес.

От перемены мест...

18+

Ксения Руднева

**Семейный бизнес.
От перемены мест...**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Руднева К. И.

Семейный бизнес. От перемены мест... / К. И. Руднева —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

После долгих колебаний Маша все-таки решается последовать за Егором в его родной город. Тем более мужчина оставил прощальный подарок — авиабилеты с открытой датой, который вроде как прозрачно намекал: девушку там ждут. По приезду оказалось — действительно ждали: и Соболев, и новые неприятности, и очередное расследование в придачу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ксения Руднева

Семейный бизнес. От перемены мест...

Глава 1

За окном вот уже который час подряд барабанил дождь. Крупные капли вдребезги разбивались о невидимую глазу преграду на десятки себе подобных, а в том месте, где мой нос соприкасался с гладкой поверхностью образовалось неправильной формы запотевшее пятно. Тоска разъедала внутренности словно ржавчина забытые хозяином и Богом "Жигули". Серость снаружи отлично сочеталась с меланхолией, давно поселившейся у меня внутри: непонятные чувства, безотрадные мысли обо всем. Лишь обязательные сообщения с пожеланиями "доброе утро" и "спокойной ночи" ненадолго добавляли красок в хмурые будни. Сообщения, которые я непременно оставляла без ответа.

Было это желанием проверить чувства отправителя, или же тут крылась необходимость разобраться в самой себе, я толком понять не могла. Но каждый раз пальцы оказывались неподвижны, будто какие-то незримые силы брали их под контроль и не давали набрать даже банальное "и тебе". Но смс я тем не менее каждый раз ждала с нетерпением. А в особо бессонные ночи даже перечитывала по нескольку раз.

Я выдохнула через нос в последний раз, проследила, как от теплого воздуха образуются дорожки на стекле, скрывая часть промокшего насквозь летного поля, и отошла к сиденьям. Из-за непогоды, так характерной для нашего города в любое время года, рейс задерживали. Я была вынуждена слоняться по терминалу, терзаясь попутно вопросом: "а нужно ли вообще лететь?". Точного ответа я не знала, хотя Соболев бы сказал, что непременно, тем более, что на ближайшем рейсе нашлось свободное место – это ли не знак?

С последней нашей встречи прошло почти два месяца, а я только сейчас решила воспользоваться его прощальным подарком – на флешке, что он вложил мне в руку, оказались электронные билеты на мое имя с открытой датой. Именно поэтому я так долго и не могла решиться. Вот если бы их срок истекал, скажем, через пару недель после отлета Егора... Тогда бы я не маялась от неуверенности столько времени.

Хотя, еще тогда в аэропорту я решила, что покину родной город только после того, как разберусь с собственной жизнью. В противном случае мой отъезд выглядел бы как побег от родителей, их непомерных требований и общей жизненной неустроенности.

И надо сказать, в этом я почти преуспела, благо Анатолий Яковлевич, мой бывший преподаватель, помог с работой, и официанткой или экскурсоводом устраиваться не пришлось. Так что трудилась я последние месяцы в должности администратора в одной из частных картинных галерей города. Родители, скрипя зубами, смирились. И с переездом на съемную квартиру – тоже, и даже помогли с задатком. А мама после нескольких недель молчания не выдержала и позвала по магазинам – ее вариант детско-родительских отношений. Я благоразумно согласилась, однако, тему моего несостоявшегося замужества и последовавших за этим отношений с Соболевым мы не поднимали. Сама не знаю почему, но обсуждать Егора с кем бы то ни было я категорически отказывалась.

И вот в это дождливое сентябрьское утро – осень в этом году не задержалась ни на денек, сделав вид, что о бабьем лете и не слыхивала, – я оказалась в аэропорту, вместо того, чтобы сидеть на занятиях в университете и, глядя в рот преподавателям, постигать дальнейшие премудрости профессии. Стоило ли вообще тогда подавать туда документы и поступать в магистратуру? Бакалавр – вроде как тоже высшее образование.

В собственное оправдание я убеждала саму себя, что лечу всего лишь на выходные, и со следующей недели буду посещать учебу как положено. В свободное от работы время, конечно же, благо магистрам у нас делают поблажки.

Интересно, какая у них там погода? Смартфон выдал чуть ли не двадцать градусов тепла и переменную облачность. Глядя на ливень снаружи, верилось в это с трудом. Почему-то мне на тот момент казалось, что нет такого места, где не бесчинствовал бы дождь в солидарность с моим настроением.

Надеюсь, что угадала с одеждой. "Хотя чего это я, Соболев же легко мне купит то, что нужно" – я криво усмехнулась, вспоминая годовщину свадьбы родителей. Платье и туфли я, кстати, у Вики так и не забрала.

Куда себя деть, я не знала: приобретенная в киоске на первом этаже книга словно была написана на чужом, незнакомом языке. Слова все никак не хотели складываться в предложения, а те, в свою очередь, не спешили обретать хоть какой-то человеческий смысл. Глядя с укоризной в глаза автора, чье фото было изображено на задней стороне обложки, я мысленно у того вопрошала, как можно было написать такую абракадабру. Хотя подозреваю, что мужчина со странной фамилией в моих трудностях был не виновен.

Что касалось еды, предоставленной в бизнес-салоне на любой вкус, – то все, что только было можно, я уже опробовала, рискуя весь полет провести с расстегнутой из-за набитого живота пуговицей на джинсах. Так что развлекала я себя тем, что разглядывала пассажиров, как и я застрявших здесь на неопределенное время, вопреки собственному статусу и возможностям. Однако, ничего интересного взгляду найти не удалось: кто-то ел, шурша обертками, мужчины в костюмах сидели, как один, сложив нога на ногу и уткнувшись кто в газеты, а кто в журналы. Некоторые сидели с макбуками на коленях. Особо деловые начальственным тоном раздавали указания по мобильникам. Несколько человек и вовсе умудрились уснуть, развалившись на мягких диванах. А что, барабанивший в окна дождь этому очень даже способствовал, создавая в паре с общим гулом помещения своеобразную колыбельную.

Но вот капли принялись стучать по стеклу все реже и реже, пока не ко времени разбушевавшийся ливень и вовсе не превратился в противную морось. Диспетчер объявил о начавшейся посадке, и народ начал потихоньку вставать с пригретых мест.

В салоне мне досталось кресло по соседству с чрезвычайно важным мужчиной, занятым весь почти трехчасовой полет лишь вышеупомянутым макбуком, так что напрягаться и развлекать попутчика вежливой болтовней не пришлось. И я даже смогла немного поспать после того, как опять поела принесенный стюардессой обед и незаметно расстегнула пуговицу, прикрыв себя для надежности курткой. Хотя сосед оказался так занят, что я могла бы лишней раз не беспокоиться.

Приземлившись в тысячах километров от дома, я малодушно решила звонить Егору не сразу, а для начала разместиться в гостинице, потому во время полета озаботилась поиском приличного отеля, в котором бы нашелся свободный номер, что был мне по карману. Задача оказалась не из легких, но я справилась, в который раз вспомнив бывшего преподавателя добрым словом – все-таки платили мне в галерее гораздо выше среднего, и, если бы не своевременная протекция, моя самостоятельная жизнь не началась бы так радужно. Если бы вообще, конечно, началась, а не была задавлена в зародыше мамой и ее железными аргументами.

Чужой город встретил теплом и солнышком, от которых за последние дни я уже успела отвыкнуть. Если верить командиру корабля, за бортом нас ожидало девятнадцать градусов тепла, что позволяло запихнуть кожаную куртку за ненадобностью в рюкзак, который заменял мне дамскую сумочку в этом спонтанном путешествии.

Первым делом в зале прилета я наткнулась, конечно же, на улыбающихся мужчин, вооруженных пышными букетами и встречающих, очевидно, свои половинки.

"Если бы кому-то хватило смелости хотя бы написать, на одного мужчину с букетом в этом зале было бы больше" – не без грусти попеняла я самой себе и продолжила путь в одиночестве. Но не успела я сделать и пары шагов, как кто-то с возгласом "попалась, птичка!" схватил меня за локоть. Не долго думая, – после июльских событий я стала немного нервной – я развернулась и со всей силы двинула наглицу кулаком по голове. Как оказалось, попала в ухо.

– Я тоже рад тебя видеть, – произнес Соболев, потирая пострадавший орган и недоуменно глядя на меня.

Думаю, что мой ответный взгляд по степени выразительности Егоровскому не уступал. Будучи совсем не в силах вымолвить и слова, не говоря уж о полноценных извинениях, я стиснув ладонями рот, и пялилась на мужчину, которого уж точно не ожидала здесь увидеть. Очевидно сделав вывод, что отмирать в ближайшее время я не собираюсь, Егор снова взял меня за локоть и, подхватив чемодан, повел на выход со словами:

– Идем, пока тебя не загребли, воительница.

Я семенила за мужчиной и пыталась понять, как опять так получилось, что я снова не контролирую то, что происходит вокруг. Причем случается такое преимущественно в компании Егора.

– А почему ты здесь? – попробовала я разобраться в ситуации. Не то чтобы я была совсем не рада его видеть, но все же рассчитывала, что хоть какое-то время на моральную подготовку у меня в запасе еще есть.

– Где здесь? В городе? В аэропорту? Рядом с тобой? – Егор поднял бровь, делая вид, будто не понимает, что именно привело меня в недоумение.

Я вздохнула и переиначила вопрос:

– Как ты узнал, что я прилетаю?

– Шутишь, птичка? – он обернулся. – Ты пропала почти на два месяца, не ответила ни на одно сообщение, неужели думаешь, что я как идиот ждал все это время вслепую. Конечно же я интересовался твоей жизнью. Кстати, поздравляю с удачной работой!

– Ты следил за мной! – я не могла поверить в то, что он действительно это делал и вот так просто, не смущаясь, говорил об этом. Тактичность и муки совести – точно не про Соболева. А еще неприкосновенность частной жизни!

– Ну если бы ты сама обо всем рассказывала, мне не пришлось бы подключать Леху. – пожал он плечами, после того, как закинул чемодан в багажник. – Или ты думаешь, что я должен был все пустить на самотек и гадать на ромашке, соизволишь ты прилететь на этой неделе, или опять нет? Я же не мальчик, – покачал он головой.

– Мне нужно было прийти в себя и все обдумать. И вообще, это ты виноват, что мне пришлось съехать от родителей, если помнишь! – некоторая справедливость Соболевских претензий заставила быстро перейти в наступление. Пусть не думает, что сможет так легко меня виноватой выставить.

– Вот я и предоставил тебе такую возможность. Надеюсь, вопрос исчерпан, и теперь я могу с тобой как следует поздороваться? – он не спеша приблизился и притянул к себе. Я какое-то время стояла неподвижно, вцепившись обеими руками в рюкзак, что оказался между нами, но потом отбросила его прочь и включилась в процесс.

– А куда мы едем? – спросила я уже в машине, после того как смогла перевести дух от Соболевского приветствия, и старалась делать вид, что ни капли не взволнована, а вопрос "как вести себя с этим мужчиной в условиях полнейшей неопределенности" не стучал молотком в голову.

Хотя все еще подрагивающие руки выдавали меня с головой. Сказать, как долго мы целовались возле машины, не могу, но к тому моменту, как я заняла пассажирское место в черном внедорожнике, солнце за горизонт еще не ушло... Что ж, похоже Егор и правда рад меня видеть.

В родном городе Соболев водил агрессивный и мощный на вид "Мерседес" последней модели. На крайний случай – предпоследней, но это маловероятно: хотя я слабо интересуюсь новинками автопрома, предпочтения Соболева успела изучить хорошо.

– Ко мне, – прозвучал неутешительный ответ. Спрашивается, чего еще я ожидала?

– Так сразу? Вообще-то я отель заказала и предоплату внесла, – попасть к нему домой я вовсе не спешила, от чего чувствовала себя девочкой, которой предстоит первая в жизни ночь с мужчиной. И которая этого ждет – не дождется, боясь признаться даже самой себе, но все равно изо всех сил оттягивает "решающий момент".

– У меня достаточно просторно, так что поместимся, – не повелся на мои капризы Соболев.

– Вот сам тогда бронь и отменяй, раз такой умный. И чтобы предоплату мне вернули: не все тут могут себе позволить честно заработанными деньгами разбрасываться направо и налево, – препираться в этом случае с Егором было бесполезно, вот я и начинать не стала, но не попытаться оставить последнее слово за собой, не смогла.

– Хорошо, я передам секретарю, – сверкнул зубами Соболев, а мне, конечно же, захотелось по этим самым зубам съездить чем-нибудь потяжелее.

Спорить вроде больше было не о чем, и я заняла себя тем, что стала разглядывать сквозь тонированное окно чужой город. От нашего он отличался не сильно – разве что население было поменьше и площадь, а так все те же торговые комплексы, высотки, пробки и иже с ними. Даже метро есть – в общем, все как я привыкла.

Жил Егор, в отличие от меня, один в современной квартире с окнами в пол на последнем этаже одной из недавно возведенных высоток. В самом центре города, конечно же. Поблизости исторические здания, парки и все в таком роде... Как выяснилось впоследствии, квартира была разделена на две части: общую, с кухней, гостиной, объединенной со столовой, различными хозяйственными помещениями и гостевым санузлом и частную, что была в разы больше и вмещала в себя хозяйскую спальню, кабинет, несколько санузлов, обширную террасу и парочку пустующих помещений, предназначение которых так и осталось для меня загадкой. А чтобы попасть на хозяйскую территорию, нужно было воспользоваться ключом-карточкой. Но дверь, разделяющая помещение, по большей части оставалась открытой ввиду отсутствия посторонних на территории.

– А тебе одному не жирно? – присвистнула я, оглядывая уж слишком просторный холл с самым что ни на есть современным дизайном. А в том, что над помещением поработал дизайнер, я не сомневалась – вряд ли Егор сам обои выбирал...

Соболев приткнул мой совсем не вписывающийся в обстановку пластиковый чемодан возле очевидно комода – странный на вид параллелепипед янтарного цвета мог оказаться, конечно, чем угодно, но я предпочла думать, что это комод, и обернулся:

– Ну теперь-то я не один, – улыбка на его лице была сродни улыбке человека, выигравшего давно уже затянувшуюся партию в шахматы. Так улыбаются противнику, который бы в любом случае проиграл, но почему-то предпочел "потрепыхаться".

– Ага, на целые выходные, – решила я подпортить ему триумф.

Вообще-то могла бы сообщить о том, что приехала ненадолго, и поизящнее, но на войне, как на войне. Егор, склонив голову набок, некоторое время изучал мое лицо, заставив почувствовать себя дичью, попавшейся в лапы матерого охотника. А потом со словами "это мы еще обсудим" подхватил под колени и понес в неизвестном направлении. Очевидно, убеждать в его городе подзадержаться.

В общем, выходные, как вы поняли, Соболев решил посвятить тому, что наверстывал упущенное время, что мы провели порознь. В какой-то момент даже я перестала понимать, почему так долго тянула с приездом, а не отправилась вслед за Егором на следующем же после его отлета рейсе, и разревелась как самая последняя дура! Егор, в отличие от меня, дураком не

был, и заявив, что на мои выкрутасы с прилетом ни капли не обижаются, продолжил убеждать в крепости наших отношений. Однако, так просто все бросить и остаться с ним, решиться я все же не могла. Впрочем, следует признать, сопротивлялась я не сильно.

– Ну как ты себе это представляешь? – я сидела на низком подоконнике и уплетала пасту прямо с коленей. В смысле, тарелка с пастой лежала прямо на коленях, а не сами макароны, – Занятия в магистратуре только начались, на новой работе я и двух месяцев не проработала. Не могу же я вдруг взять и не явиться в понедельник.

– Возьмешь академку, а насчет работы Яковлевич договорится.

– С чего ты взял, что он договорится? – я с подозрением уставилась на мужчину: уверенность, граничащая с самодовольством, на его лице говорила о том, что предложение это в разряд гипотетических не входило.

Егор промолчал, предоставляя возможность самой ответить на заданный вопрос.

– Вы уже обо всем договорились! Соболев, вот с чего ты взял, что можешь распоряжаться моей жизнью?

– А что тебя в твоём городе держит? Работать и учиться и рядом со мной прекрасно можно.

– Ты хотя бы мнением моим мог поинтересоваться для разнообразия? – я возмущенно уставилась в серые глаза, в которых на сомнение в собственной правоте не было и намека.

– Ну да, я поинтересуюсь, и ты найдешь тысячу причин, оставить все как есть и еще пару лет ничего не менять. Ты трусишка, Маша, – ткнул он в меня вилкой.

– А ты скорый поезд какой-то. Прямо Сапсан в режиме "форсаж"!

– А ты в таком случае кто, гужевая повозка? – расхохотался Соболев.

– Да пошел ты, – сказать было нечего, и я прыснула в ответ.

Глава 2

В воскресенье вечером Егор предупредил, что завтра нас ждет важный и ответственный день, и встать придется рано. Что конкретно нас будет ждать, уточнить не пожелал. Уже поняв, что молчать он будет как партизан, лишь бы, говоря его словами, не дать мне все обдумать и отказаться, пытать мужчину я не стала, а спокойно уснула, рассудив, что сюрприз вряд ли будет неприятным.

Следующим утром мы оказались на открытии после долгой реставрации галереи искусств, принадлежащей семье Егора. "Анита" – гласила неоновая вывеска, выполненная художественным шрифтом. Почему именно "Анита", я решила поинтересоваться позже, а пока улыбалась во все зубы и рукоплескала изо всех сил, стоя практически во главе толпы жаждущих попасть внутрь. Даже несколько репортеров с камерами осчастливили своим присутствием.

"Хорошо хоть догадался подсказать, как одеться, иначе стоять бы мне в джинсах среди разряженной публики" – думала я, тихонько озираясь по сторонам, и радовалась, что решила-таки в самый последний момент закинуть в чемодан темно-синее платье и лодочки цвета электрик с собой. А публика подобралась разношерстная: кто-то был при полном параде и сиял драгоценностями, точно мы Новый год собрались праздновать, кто-то был одет празднично, но сдержано и элегантно, а были и те, кто предпочел не заморачиваться и пришел в джинсах. Но таких были единицы.

Наконец, ленточка была торжественно перерезана, речи произнесены и галерея гостеприимно открыла двери посетителям. Я с бокалом шампанского в руках, второпях сунутым мне Егором, скиталась по выставочному залу в гордом одиночестве и злорадно себе обещала, что ни за что не буду сидеть дома и по первому требованию сопровождать этого проходимца на подобного рода мероприятия. Да за кого он вообще меня принимает, тоже мне нашел себе эскорт! Раз уж придется задержаться в этом городе на неопределенное время, найду работу. Я ему не какая-нибудь домохозяйка, которую в случае надобности можно наряжать поприличнее для выхода в люди.

Но не дав мне достаточно времени, чтобы придумать максимально унижительную должность, которую я, назло Соболевским замыслам, обязательно займу, мужчина появился будто из ниоткуда.

– Прости, что оставил одну, – чмокнул он меня в висок и галантным жестом ухватил под локоть, – Пришлось уладить несколько вопросов.

– Я подумаю, – недовольно буркнула в ответ.

– Идем, расскажу, зачем мы сегодня здесь, – Егор сделал вид, что настроения моего не заметил, и потянул куда-то в сторону, уводя от толпы праздно шатающегося народа.

Мы вышли через служебную дверь, за которой притаилась лестница с деревянными перилами.

– А почему "Анита"? – поинтересовалась я, переставляя ноги по выщербленным за десятилетия ступенькам.

– Так маму звали, – пожал плечами Егор, – Банально, да?

– Нет, наоборот, даже в какой-то степени правильно, – попыталась поддержать я жениха, вспомнив, что ее давно нет. На этой ноте разговор потух, так толком и не начавшись.

В молчании мы проследовали до кабинета, обстановкой напомнившего мне те, что показывали по телевизору в старых-добрых сериалах про богатые семьи: одна стена полностью выполнена в виде стеллажа для книг, массивный стол из темного дерева, уставленный обязательной чепухой типа пресс-папье, призванной обозначить респектабельность владельца, и обязательный темно-зеленый текстиль. Я осматривалась вокруг, гадая, что же могло понадобиться нам, двум современным людям, в этом старомодном месте.

– В общем-то все просто, – Егор уселся прямо на рабочий стол, отодвинув вбок бронзовую статуэтку, изображавшую почему-то слона. – Я предлагаю тебе работу.

Не ожидая от Соболевской идеи ничего для себя хорошего, я мысленно напряглась, но дала ему возможность закончить.

– У тебя ведь уже есть опыт работы в картинной галерее, а мне как раз нужен специалист, вот я и подумал, почему бы нам не помочь друг другу...

Так, ну со специалистом он, допустим, поторопился, а вот работа мне очень даже пригодится, пусть и не столь постыдная, как я совсем недавно воображала.

– Ладно, – осторожно произнесла я, потому как с Соболевым, словно с джином из старых сказок, никогда не знаешь, в каком месте ожидать подвоха.

– Вот и отлично, – радостно поиграл он бровями, насторожив меня еще больше, и направился к двери. – Сейчас я тебя кое с кем познакомлю.

– Марк Абрамович, прошу, – пригласил он в кабинет пожилого мужчину, не смотря на возраст строгой выправки. Одет тот был в костюм-тройку и шелковый платок вместо галстука, абсолютно седые волосы, тем не менее без старческой болезненной желтизны, зачесаны назад. – Познакомьтесь, это моя невеста и новая управляющая галереей, Мария Аркадьевна, – и, не дав мне и рта раскрыть, дабы праведно вознегодовать, как ни в чем не бывало, продолжил: – Маша, это Марк Абрамович, наш бывший управляющий. Он поможет тебе поначалу со всем разобраться, так что можешь полностью на него положиться.

– Очень рад за вас, очень рад, – старик потряс мою руку, предоставив о причине его радости догадываться самой: то ли он поздравлял меня с должностью, то ли с новоприобретенным статусом Соболевской невесты.

Я же могла позволить себе лишь сверкнуть на Егора глазами, обещая тому скорую расправу, и вымолвить:

– Благодарю.

Вот знала же, что что-то тут не чисто. Только кто же мог подумать, что Егору в голову взбредет! Ну какая из меня управляющая? Тем более целой галереей!

– Что ж, не хочу вас отвлекать. Буду счастлив трудиться под началом столь юной, очаровательной особы. – улыбка у Марка Абрамовича оказалась весьма располагающей, так что я не смогла позволить ему уйти, прежде, чем смогла заверить будущего помощника во взаимных симпатиях.

Старик откланялся, а я подумала, что везет мне в последнее время на участливых дедушек.

– Что скажешь? – обратился ко мне Егор, как только за стариком закрылась дверь.

– Что ты конченный псих, что вчерашние студентки серьезными заведениями не управляют и много чего еще. Но если ты готов доверить развалить галерею, названную в честь матери, первой попавшейся девице, то я это непременно сделаю. Только вот, в чем фокус?

– Никаких фокусов, – рассмеялся Соболев и поднял руки вверх. – Хотел сделать приятное любимой женщине и дать возможность заниматься тем, что нравится, самореализовываться, так сказать, на наше общее благо.

– А еще я никак не вспомню, когда это успела стать твоей невестой, – картинно почесала я затылок.

– По-моему, это случилось тогда, – Егор сделал вид, что задумался, —когда я отказался взять в жены твою сестричку.

Я не поняла, это у него что, стратегия такая: довести оппонента до белого каления, а затем взять буквально голыми руками? Так он бизнес делает, да?

– Совсем забыла, я не принимаю участия в семейном бизнесе, – пошла я на попятный. – Принципиально. На пользу это никому не идет, если помнишь.

– Брось, Маша. Уверен, у тебя все получится, – мужчина подошел ко мне и обнял. – К тому же, Абрамыч – толковый мужик и не даст тебе с треском провалиться, – закончил он говорить уже мне на ухо.

– Без треска провалиться – тоже мало приятного, – пробубнила я в широкую грудь, которая своим близким присутствием так и манила согласиться с любым предложением, лишь бы оставить владельца довольным.

– Не дрейфь, прорвемся. Все с чего-то начинали, – похлопал он меня по спине, будто приходился мне никем иным, как товарищем по оружию. – Сегодня, кстати, привозят одну картину на аукцион, и я бы очень хотел, чтобы ты на нее взглянула.

– Вот прям так сразу? – отстранилась я, вопрос прозвучал как жалоба.

– Прямо так, – вздохнул Соболев, делая вид, что ему и самому неловко, но деваться некуда.

– Ну да, и как я могла забыть, что ты у нас времени терять не любишь, – пробурчала я в сторону, вспоминая наше стремительное знакомство и историю, за ним последовавшую.

– Идем вниз, мы и так надолго покинули гостей, – потянул он меня за руку.

В залах, которыми располагала галерея, мы были в основном заняты тем, что общались с высокопоставленными посетителями. Егор представлял меня исключительно как свою невесту и новую управляющую галереей. Мужчины жали ему руки и поздравляли, а женщины по большей части ядовито выдавали что-то типа: "Давно пора". Публика подобралась разношерстная, но уделяли внимание мы лишь тем, кого Егор знал лично или считал полезным для дела.

Голова от новых знакомств уже шла кругом, а несколько бокалов с шампанским, выпитых на пустой желудок – пара бутербродов не в счет, – лишь усиливали внутренний дисбаланс. Наверное, как руководитель, я провалилась уже минут через тридцать, когда перестала напрягаться и пытаться уложить в голове весь этот калейдоскоп имен и лиц. "А что, Абрамыч – "мужик толковый" – все равно не даст пропасть..." – легкомысленно подумала я: в какой степени алкоголь повлиял на равновесие, в той же степени он подействовал и на ответственность.

В какой-то момент у Соболева зазвонил телефон, и после короткого разговора мы с ним отправились к служебному входу встречать картину. Судя по специальной машине, доставившей груз, и парочке сопровождающих охранников в черном стоимость произведения исчислялась сотнями тысяч. Вряд ли ради не особо ценной работы кто-то бы так заморочился.

Вместе с Егором, представителем продавца и мужчинами в черном мы прошли в недавний кабинет на втором этаже, к которому, как оказалось примыкал сейф для хранения особо ценных экспонатов. Трясущимися то ли от алкоголя, то ли от волнения руками я распаковала картину и расположила полотно, надетое на подрамник, на рабочем столе. Соболев тем временем подписывал необходимые бумаги и общался с гостями.

Каким образом мужчины исчезли, а я осталась в комнате наедине с картиной, заметить не успела – полотно меня полностью поглотило.

Работа без сомнения принадлежала руке современного художника, имя я назвать не берусь. Крупные яркие мазки строгой геометрической формы были хаотично разбросаны по холсту, как будто художник забыл о полутонах и плавных переходах. Тем не менее, если отойти метров на пятнадцать, можно было без проблем различить и набережную серых тонов, и тонкую, словно тростинка, женщину, неспешно идущую в сторону моста, зеленые, полные сил деревья и дымчатые крыши на том берегу.

Да уж, картина определенно стоила того, чтобы ради нее организовать аукцион и заставить желающих приобрести полотно как следует за него побороться. Неудивительно, что работу так охраняли. Интересно, кому она в итоге достанется. И за какую стоимость. От нахлынувшего почему-то волнения голова слегка закружилась, а потом и вовсе взорвалась фейерверком где-то в районе затылка. Последнее, что я увидела – это крупные яркие мазки, подоб-

ные тем, что были на картине, только на черном фоне закрывшихся век, а затем – темнота и тишина.

Очнулась я от того, что кто-то непрерывно зудел сбоку, назойливо играя на нервах, будто комар летней ночью. Не дадут спокойно отдохнуть! Я попыталась повернуться на бок, чтобы посмотреть, кто там так нагло шепчется, но тут же застонала: голова раскалывалась так, будто меня сбил поезд, под который меня вынудил кинуться черный недельный запой.

– Ты как? – тут же подскочил ко мне Соболев, на лице беспокойство. За его спиной маячил Леха – начальник службы безопасности и лучший друг по совместительству.

Вот уж кого точно не ожидала сегодня увидеть. Или меня и правда сбил поезд, и теперь он тут, чтобы лично найти машиниста?

– Нормально, – прохрипела я. Егор недоверчиво поднял бровь.

– Голова болит, – созналась. А что, я ж не партизан, чтобы молча терпеть.

– Вот выпей, – протянул мне Леха таблетки и стакан с водой. – Доктор сказал, что голова будет беспокоить какое-то время. И хорошо бы сделать рентген и МРТ.

Объяснения Лехи ситуации не прояснили, а лишь еще больше запутали. Тем не менее, начать разбираться я решила с того, что попроще, то есть с головы.

Сесть я смогла лишь при помощи Егора и, махом проглотив таблетки, внимательнее присмотрелась к мужчинам. Судя по одноразовым медицинским халатам, надетым поверх костюмов, и тревожным кнопкам на стенке находились мы почему-то в больничной палате: я на узенькой койке с раздражающим скользким матрасом, а мужчины – подле.

– И что стряслось на этот раз? – спросила я, откинувшись на вовремя приподнятую Егором подушку и прикрыв слезящиеся глаза.

– Тебя предположительно тупым предметом ударили по голове, а едва прибывшую в галерею картину забрали с собой. Кто – неизвестно, – кратко обрисовал Петров.

При упоминании о тупом предмете я поморщилась – вот что оказалось моим личным паровозом, а Соболев стоял с таким лицом, что аж страшно становилось. Не за себя, а за того, кто посмел покуситься...

– Егор нашел тебя на полу в кабинете в луже крови, так что...

– Я ж говорила, что нельзя мне в семейный бизнес... – решила я хоть как-то разрядить обстановку, но по-видимому только зря старалась. Егор все так же чуть не скрипел зубами, а Леха с предельно серьезной миной не прекращал оглядывать меня. На предмет скрытых повреждений – сделала я вывод, потому что когда я проходила осмотр у психиатра для водительской медкомиссии, тот на меня так же смотрел.

– Ладно. И что дальше? – после затянувшегося молчания опять спросила я. Сидеть и безмолвно глазеть друг на друга поднадоело, тем более, что подушка и простынь по дерматиновой поверхности матраса начали съезжать, заставляя тело принимать все более горизонтальное и неудобное положение.

– Ну, первую помощь тебе уже оказали, так что мы с тобой домой, а Лехе как всегда достанется право на общение с полицией, – Егор был краток.

Вообще я даже побаиваюсь Соболева, когда тот в гневе, не хотелось бы стать его источником. Поэтому перечить я конечно же не стала, и, отталкиваясь руками от стены, попыталась встать с кровати, чтобы немедленно отправиться куда сказано. Колеса у койки оказались почему-то не зафиксированы, так что та принялась отъезжать вбок, грозясь сбить мужчин с ног. Я вынуждена была барахтаться как какой-нибудь новорожденный детеныш, все сильнее опираясь о стену в попытках удержаться от соскальзывания в новообразовавшуюся щель, тем самым лишь увеличивая просвет. На помощь тут же пришел Егор и, подхватив за талию, аккуратно переместил на пол. Вот бы еще и с раскалывающейся головой было так просто.

Череп сзади пульсировал и горел, распространяя волны острой боли по всей округности. Надеюсь, голова не стала сзади плоской, потому что ощущение складывалось именно такое. Я поморщилась и потерла лоб, в надежде хоть как-то облегчить боль. Но тут меня ждал еще один сюрприз: вместо гладкой и мягкой обычно поверхности пальцы наткнулись на выпирающий кратер в том месте, где индианки обычно носят красную точку между глаз. Только в моем случае маловероятно, что это был намек на статус замужней женщины.

– Это что еще за хрень! – я воскликнула и, наплевав на боль в затылке, стала вертеть головой в надежде найти зеркало. Но откуда ж ему взяться в больничной-то палате. Мужчины сконфуженно и до обидного единодушно уставились в пол.

Наконец мой взгляд наткнулся на сумочку, брошенную кем-то неподалеку, и я слишком бодро для только что пришедшего в сознание человека припустила к своему сокровищу. Зеркальце из косметички показало огромную, налившуюся малиновым цветом, больше подошедшим бы для педикюра, шишку прямо по середине лба.

– Уроды! – тут же всхлипнула я, имея в виду посягнувших на прекрасное грабителей, и в обиду на жизнь в целом швырнула неповинное зеркало обратно.

– Мы их найдем, – поспешил успокоить меня Егор и крепко обнял сзади.

– И гематомой на лбу они уж точно не отделаются, – угроза почему-то прозвучала из моих уст как жалоба, а я хлюпнула носом и опять коснулась шишки. Сама не знаю почему, но руки так и тянулись ко лбу, как будто я все никак не могла поверить в произошедшее и пыталась таким нехитрым способом удостовериться в том, что мне не показалось.

– Обещаем, – задорно сверкнул зубами Леха, по-моему, даже с некоторым предвкушением, а Соболев стиснул меня покрепче. Хорошо, когда в трудной ситуации тебя поддерживают надежные люди. И сильные.

По дороге домой я все больше молчала – не знаю, кем надо быть, чтобы беззаботно болтать в подобной ситуации. Егор похоже против такого расклада ничего не имел: всю дорогу он сжимал фирменный черный руль и напряженно о чем-то мыслил. О чем, спрашивать не хотелось: все вопросы я решила отложить на потом и подарить пострадавшей голове вполне заслуженный отдых. Сразу вспомнилось, как мама все детство называла мою головушку буйной. Вот и гадай теперь: то ли права она была, то ли накаркала.

Дома мы оставили машину в подземном паркинге и на лифте поднялись наверх. В огромных размеров зеркало я старалась не смотреть и стояла, уткнувшись "рогом" в Соболевскую грудь. Он, в свою очередь, аккуратно гладил меня по волосам. Что-то в этом жесте показалось мне неправильным, и я впервые решила пощупать рану. А, обнаружив под пальцами хирургический пластырь и голую как коленка десятилетней девочки кожу, уставилась на Егора: когда-нибудь эти ненормальные сюрпризы кончатся?

– Они что, побрили мне затылок? – в неверии прошептала я, а подбородок затрясся от обиды: мало того, что с шишкой посреди лба, так еще и, как выясняется, с плешью на полголовы!

– Рана была открытая, пришлось накладывать швы... – Егор с жалостью посмотрел на меня.

Да что ж такое-то, а? Опять из-за парня меня насильно волос лишают! Я всхлипнула. За первым всхлипом последовал другой, и, наконец, я зарыдала, причитая о погубленной внешности и молодости в целом. А как теперь жить с этим рельефом на лбу и голым, шитым затылком? Соболев успокаивал как мог, тем не менее периодически посмеиваясь над тем, как я стенала.

Оказавшись в стенах квартиры, я первым делом отправилась на кухню: какими бы стрессами ни изобиловала жизнь, на аппетит мой это никак не влияло. Даже наоборот, на полный желудок все горести казались не такими уж и горькими. Тем более, если мне не изменяет память, помимо нескольких бутербродов и завтрака, который давно успел выветриться, во мне

сегодня ничего и не было. Шампанское не в счет – оно лишь делает мой желудок вместительнее и прожорливее.

В общем, я навалила себе целую тарелку, будто в моем распоряжении был всего один подход к холодильнику, и отправила ту в микроволновку.

– Ты еще притопывать от нетерпения начни, – усмехнулся Егор, заходя в помещение.

– Если бы на открытии чьей-то галереи кормили получше, мой организм бы так не оголодал.

– В следующий раз учту, – Соболев усадил меня за стол, лично принес тарелку, разложил приборы и уселся напротив. Пока я уплетала овощи, он не сводил с меня внимательных глаз, на дне которых, как он не пытался это скрыть, плескалось беспокойство. Неужто решил, что я опять могу отключиться? Голова, кстати, почти перестала беспокоить – видимо таблетки, что оставил доктор успели подействовать.

– Что-то ты сегодня уж больно покладистый, – с набитым ртом проговорила я.

– Подожду пока ты вернешься в форму.

После плотного ужина я решила, что теплая ванна – сейчас будет в самый раз. Егор вызвался набрать воды, как будто я была не в состоянии повернуть ручку крана. Но спорить не стала, если ему от этого легче, пусть старается.

За те полчаса, что я провела в воде, Соболев умудрился заглянуть ко мне раз восемь с неизменным вопросом не нужно ли мне чего. А когда я, покачив головой, оставалась одна, слышала, как он говорит с кем-то по телефону. Ясное дело, с Лехой обсуждали произошедшее.

На ночь Егор намазал мой малиновый лоб оставленной доктором мазью, "новейшей разработкой израильских ученых, которые славятся своими бла-бла-бла...". В действенность суперсредства лично мне верилось с трудом, но раз уж Соболев так настаивает... Перед тем, как выключить свет, Егор осторожно чмокнул меня прямо в шишку и обозвал "единорожкой", что не могло не порадовать: если бы он и дальше вел себя как наседка, надолго бы меня точно не хватило.

Глава 3

Проснулась я вполне выспавшись, но с пульсирующим от боли затылком, что резко напомнило о событиях минувшего дня. Оглядев комнату, я смогла прийти к двум выводам: первый – Егор где-то шляется, и второй – дело близится к полудню. А потрогав лоб и не обнаружив там и следа от вчерашней шишки, я на радостях припустила в ванную, что примыкала к хозяйской спальне. Хотела даже доктору и его израильским ученым цветы послать, но порыв оказался преждевременным.

Звук, что исторгся из моего горла при взгляде в зеркало, мог спокойно поспорить со звуком сверхреактивного самолета. Прибежавший на шум Соболев сначала дико вращал глазами, пытаясь понять, что происходит, а потом, разглядев меня получше, бросил все силы на то, чтобы не заржать в голос. Но заставить свои губы не шевелиться так и не смог, и они кривились волнами и подергивались, будто мужчину ударило током прямо в район челюстей.

– Тебе смешно, да? – прошипела я, наступая на подлого предателя. Прищуривать в гнев глаза даже не пришлось, потому как полученная в неравном бою шишка за ночь чудесным образом переместилась вниз, образовав нехилые гематомы под глазами и превратив те в две узенькие щелочки, а меня – в подобие спившегося с горя маргинала, жертву "черных риелторов".

– Нет, Маша, конечно нет, – Егор честно старался, но совладать с рвущимся наружу хохотом до конца так и не смог. Да и я бы на его месте не смогла.

И это стало последней каплей. Я с ревом кинулась на обидчика и начала колотить кулаками куда придется. Мы повалились на пол, и я оказалась сверху, а Соболев защищался, прикрывая жизненно важные органы руками, но я была в ударе и молотила его со скоростью кухонного комбайна.

– Маша прекрати! – взмолился Егор, – Или ты хочешь оставить такие же украшения и на моем лице?

– Звони своему коновалу, и пусть он объясняет, как так случилось, что от его вонючей мазилки шишка сползла мне под глаза и превратила в покусанного осами монгола! – сказала я, тяжело дыша. Но махать руками все же перестала. Не хватало еще и в правду поставить Соболеву такой же фингал, то-то мы чудесно смотреться вместе будем.

Егор перечить не рискнул и, все так же лежа, набрал вчерашнего доктора. Эскулап заверил, что это нормально, и посоветовал прикладывать на отек чайные пакетики, от чего я в его высокой квалификации сильно засомневалась.

– А лечиться солнцем мне не надо?

– Не тот сезон, – пожал плечами Егор и внес рациональное предложение: позавтракать.

Знает, гад, чем отвлечь. На кухне он поставил передо мной тарелку с кашей, усыпанной дольками персика, кофе и несколько круассанов с сыром.

– Как ты себя чувствуешь? – с некоторой долей опаски спросил Соболев, когда я, отодвинув овсянку подальше, принялась за кофе с выпечкой. Круассаны выглядели настолько воздушными и хрупкими, что я решила съесть все пять штук, чего бы мне это не стоило. Жених же обошелся одним кофе: видимо успел уже позавтракать.

– Нормально, насколько это возможно для девушки с обритым затылком и заплывшими глазами, – пробормотала я с куском булки во рту.

Вообще, надо сказать, что выплеснутый на Егора гнев и вкусный завтрак несколько приладили с действительностью и настроили на мирный лад. И если бы не отражение в зеркале, можно было бы смело сказать, что вчерашнее происшествие обошлось для меня без последствий.

– Спорим, теперь все будут думать, что ты меня бьешь? – из вредности сказала я.

– Ха-ха, – не оценил Егор.

– Давай, рассказывай, за что я вчера пострадала, а то я ничего так толком и не поняла, – махнула я рукой, решив, что время для расспросов подходящее.

– Да в общем-то нечего рассказывать: я пошел провожать гостей, тебя ударили по голове и вынесли картину, – Соболев потер подбородок, и стало ясно, что посвящать в детали меня он не жаждет. Но и я так просто сдаваться не собиралась:

– А что Леха говорит?

– Вот придет, у него и спросишь, – гнул свою линию Егор.

– А полиция?

– Понятия не имею.

– Соболев! – рыкнула я.

Нехотя он рассказал, что неизвестный – а был он один – выбрал момент, когда картина кисти румынского художника оказалась наиболее беззащитна, долбанул меня по голове и вынес полотно, оставив на столе зияющий сиротской дырищей подрамник. Без сознания я провела минут сорок, приезд врача и последующие госпитализация и осмотр для меня остались за кадром.

Полицейские вчера собирали улики, но удалось ли что найти, пока не ясно. Так как служебный выход был занят Егором, злоумышленнику пришлось уходить через залы с посетителями, о чем свидетельствуют и записи с камер видеонаблюдения. А напоследок и вовсе огоршил: начальная стоимость картины составляла ни больше, ни меньше – два миллиона рублей.

Пока я переваривала скудную информацию, рассеяно жуя третий по счету круассан, Егор успел убрать со стола и приготовить чайные пакетики. В их эффективности, равно как и в докторе их прописавшем, я справедливо сомневалась, но препятствовать Соболеву не стала – за лечение он взялся с невиданным доселе энтузиазмом. Пролежать с "компрессами" пришлось никак не меньше часа, в течение которого Егор исправно освежал "начинку", я же бурчала, что кастрюли доктор наверняка чистит Кока-колой, запор лечит куском хозяйственного мыла и верит в силу живого огурца. Потом требовала заварку с жасмином или на крайний случай молочный улун, самой себе при этом напоминала неумного арестанта, в порыве протеста долбящего по прутьям железной кружкой.

В общем, образцовым поведением во время "процедуры" я похвастать никак не могла, потому как "компрессы" быстро остывали, кожу начинало беспощадно щипать, и в добавок ко всему заварка совсем не хотела сидеть смиренно в пакетике и то и дело заливалась мне за шиворот, нервируя еще больше.

– А у тебя вообще бывает без приключений? – раздраженно спросила я, почесывая зудящую шею.

– По-моему, дорогая, приключения находят исключительно тебя, – съязвил откуда-то сбоку Соболев, а я обиженно засопела.

После процедуры оказалось, что велюровый диван небесного цвета с пятнами от чая расстаться не в силах. Не помогли ему и суперсредства, что мы нашли в кладовке. Зато глаза мои компресс оценили на славу: отек заметно спал, и видеть я стала лучше, точнее шире. Единственное, что осталось прежним – это синий цвет вокруг глаз, но воспользоваться "чудо-мазью" от "чудо-доктора" я не рискнула: мало ли куда отек сползет на этот раз.

Оказав первую помощь пострадавшей женщине, довольный собой Соболев отправился в кабинет трудиться по специальности, и я хвостиком последовала за ним. Тихонько пристроилась на диване и стала размышлять, чем бы заняться: есть, спать, купаться не хотелось, соцсети я тоже отменяла. Решила в итоге составить список вопросов для Лехи, чтобы к предстоящему разговору быть подготовленной, как отличница к экзамену.

Егор на мое занятие поглядывал со снисхождением, но от замечаний воздержался, равно как и от вопросов – судя по шелесту бумаг и щелчкам компьютерной мыши мужчина действительно работал.

Когда я трудилась уже над вторым листом, переливчатой трелью раздался звонок домофона. "Наконец-то!" – обрадовалась я, потому что уже полчаса как в голову приходили совсем уж дурацкие вопросы по типу: "а вдруг я зря вчера помылась, и смыла важные улики в канализацию?"

Встречать гостя я отправилась вместе с Егором: полная мыслей голова усидеть на месте никак не давала, а тело требовало хоть какого-то движения. Вождение ручкой по бумаге – не в счет.

– Привет, – пожал руку товарищу Петров, а затем повернулся в мою сторону: – Маша, прекрасно, эээ...

– Выгляжу, ты хотел сказать? – ехидно продолжила я.

– Извини, – смутился тот. А я-то думала, что это невозможно, и начальники служб безопасности – как один невозмутимые люди железной закалки.

Разместились мы в столовой, служившей Соболеву одновременно и гостиной. Тот решил, что настало время чайных пакетиков, и под озадаченным взглядом Лехи снова уложил меня на пострадавший диван, даже не озаботившись прикрыть запятнанную поверхность хоть чем-то наподобие покрывала или полотенца.

– Ребята, вы что извращенцы? Могли бы этим заниматься не при людях.

– Нет уж, Леха, для полноты ощущений нам нужен третий, – когда мы с ним успели перейти на "ты", я и сама не заметила, но после событий двухмесячной давности мужчина стал для меня абсолютно своим, хоть и был значительно старше.

Егор водрузил на стол две чашки кофе, а мне на глаза – непонятно каким образом работающие пакетики, так что видеть мужчин я не могла, зато слышала прекрасно, и задавать вожденные вопросы мне ничего не мешало. Вот только заготовленный список не пригодился.

Прибыл к нам Леха прямиком из полицейского участка, откуда сведения принес неутешительные. Работал парень, что увел картину, в перчатках, в кабинете улик не оставил. Нож, которым вырезал полотно, унес с собой, как и предмет, меня оглушивший. Покинул место он на "Жигулях" без номеров, так что и тут зацепиться было не за что. По мере рассказа начальника службы безопасности Егор свирепел все больше.

Порадовать Петров нас смог копией видеозаписи, что взял у полицейских. Ради этого мне даже было позволено убрать на время целебный "компресс" и посмотреть запись наравне с мужчинами.

Камера показала открывающуюся деревянную дверь, ведущую из служебных помещений в выставочную часть галереи, где и было установлено наблюдение. О том, что происходило до этого момента, мы могли лишь догадываться. В зал вошел мужчина средней комплекции, даже скорее худощавый, одетый в потертые джинсы, непонятный оливкового цвета пиджак и высокие ботинки с железными носами, какие были в большом почете у скинхедов лет эдак пятнадцать назад. Неужели сейчас такое кто-то носит? Лицо скрыто за патлатыми давно не мытыми волосами, сальными прядями свисающими чуть ниже подбородка, глаза спрятаны за очками в круглой оправе а-ля "Катя Пушкарева". И как апофеоз, до ужаса нелепый наряд венчал коричневый бархатный берет "с кисточкой". При виде мужчины у меня сразу же возник резонный вопрос: где он все это сумел раздобыть? В том числе и холщовый рюкзак, висевший у него за спиной, откуда торчала свернутая трубочкой картина. Ну не варвар ли: так обращаться с произведением искусства! Сознательные люди для транспортировки специальные машины с климат контролем заказывают, а этот – в трубочку и в рюкзак! Хоть бы тубус приобрел... Чему я не преминула возмутиться вслух.

– Маша, вот почему я совершенно не удивлен, что тебя больше возмущает то, как этот дегенерат поступил с картиной, чем то, что он раскроил тебе затылок? – пришел в негодование Соболев, так что праведный гнев по поводу варварского отношения к похищенному шедевру пришлось попридержать. Хотя с "раскроил" он и преувеличил – так, пара швов и лысина, как следствие.

Как ни в чем не бывало, парень прошелся сквозь залы, беспрепятственно покинул галерею и уехал на припаркованном в нескольких десятках метров автомобиле. Из чего можно сделать вывод, что работал он один, иначе бы сел на пассажирское сиденье.

– Судя по наряду парень чересчур впечатлился кинематографом, причем преимущественно российским, – заявил Леха, вытаскивая флешку из телевизора.

Я дисциплинированно улеглась обратно на диван, готовая и дальше принимать чудодейственное лечение – прорыв в медицине двадцать первого века.

– Что думаете, товарищи? – спросил Егор, пристраивая на моих глазах пакетики, тем самым заново лишая зрения.

– Почему его не задержала охрана на выходе? – подала я голос, возмущенная чужой халатностью. Даже мне при одном только взгляде на парня стало яснее ясного, что с ним явно что-то не так.

– Не имели права, а когда я подал сигнал, уже поздно было. Мало ли какой эксцентричный художник на выставку забрел, привяжешься с осмотром, а потом проблем не оберешься: они ж не полиция, чтобы всех подозрительных личностей проверять. К тому же ни одна из сигнализаций, установленных на экспонатах не сработала.

– А вообще служебные двери запирать надо! – вставила я. – Тогда и шляться кто попало не будет.

– Над этим уже работают, – усмехнулся Леха.

После жаркой дискуссии стало ясно, что подозревают мужчины троих покупателей и продавца. Лично я подозревала всех и каждого, но, в отличие от меня, свою версию мужчины могли аргументировать.

Итак, картина была доставлена в галерею для последующей продажи на закрытом аукционе. Покупателей, как я уже отметила, было трое: Машков Виктор Иванович – старый друг Соболева-старшего, Рында Олег Игнатьевич – завзятый коллекционер и Ставская Ольга Борисовна – давняя любовница кого-то там из местной администрации. Причем, перечисленные личности, все как один, людьми слыли обеспеченными и потратить солидную сумму на покупку картины позволить себе могли. Другой вопрос: хотели ли?

В пользу версии про виновность продавца говорило то, что картина была от различного рода неприятностей застрахована.

– Мало ли кто мог знать об аукционе, почему вы подозреваете только покупателей и продавца?

– Потому что никто, кроме этих троих, полотном не интересовался, а продать абы кому его будет сложновато. Да и не такие это великие деньги, чтобы заморачиваться ради продажи в полцены, – ответил Леха, – Про продавца, думаю, и так понятно?

– Чего уж тут не ясного, – хмыкнула я. – Захотел и картиной впредь любоваться, и страховочку получить. А почему вы не думаете, что это мог быть какой-нибудь нечистый на руку посредник? Назвал цену гораздо ниже нашей, и обтяпал свое черное дельце?

– И опять же искать надо среди тех, кому картина была интересна. Тогда и на посредника выйдем, – логично возразил Петров.

Я немного помолчала, переваривая информацию, закинула ноги на спинку дивана, чтобы лучше думалось, и тут в голове возник резонный вопрос:

– Значит картина была застрахована, и продавец, помимо шедевра, с которым и так собирался расстаться, ничего не потерял?

– Ну да, – не понимая к чему я клоню, ответили мужчины.

– И зачем тогда нам заморачиваться и искать преступника? Полиция ведь и без нас этим занимается?

В ответ раздался лишь смешок от Лехи, а затем повисла какая-то подозрительная тишина. Поняв, что отвечать мне не собираются, я стянула временно лишавшие зрения пакетики и в полном недоумении оглядела мужчин: Егор сидел за столом с самым зверским видом и играл желваками – неужто его из-за картины так разбирает, а Леха с предовольной ухмылочкой переводил взгляд с меня на товарища. Поскольку тот своего загадочного поведения объяснять не собирався, начальник службы безопасности взял эту миссию на себя.

– Видишь ли, Маруся, если бы при всем при этом не были бы задеты лично интересы Егоры Станиславовича...

Я нахмурилась.

– Твоя голова, – пояснил Леха. – Тогда сошло бы это с рук злодеям, а мы с превеликой готовностью ушли бы в сторону. Но... – развел он руками. – Мы имеем, что имеем. И теперь наш Егор жаждет лично найти обидчиков и наказать. Ну прямо граф Монте-Кристо тебе в женихи достался!

– Его-о-ор, – протянула я и, склонив голову, уставилась на мужчину, – Ну скажи мне, что это неправда!

Судя по непреклонной позе и свирепому взгляду, Леха, все-таки, сказал правду, и Соболевская душа жаждет возмездия – с прискорбием осознала я.

– Ну а если мне бабулька какая в автобусе ногу отдавит, мы и ей мстить будем? – попыталась я достучаться до этого воителя.

– Это совершенно разные вещи, – отмахнулся Егор.

– А ты, значит, ему помогать собрался? – обратилась я к Лехе.

– Ну так я человек подневольный, что начальство прикажет, то и делаю.

Хоть Петров и делал вид, что помогает другу лишь по долгу службы, скрыть воодушевление и личную заинтересованность делом не смог. Или не постарался.

– А будешь много болтать, станешь очень даже вольным человеком, – огрызнулся на сдавшего его помощника Егор.

В общем, помимо бесполезных кривляний, добиться я ничего не смогла, поэтому, махнув на них рукой – взрослые уже мальчики, плюхнулась обратно на диван и продолжила прерванную процедуру. Чем на это время заняли себя мужчины, сказать не могу: издаваемые то и дело шорохи ни на какие мысли не наводили.

В квартире было спокойно, уютно, и я, пригревшись на диванчике под лучами светящего в окна солнца, потихоньку задремала. А проснулась от того, что к нам пожаловали очередные непредвиденные гости.

– Егор, милый, как я рада тебя видеть! – донесся журчащий голосок из коридора, а затем послышались причмокивания.

Я в шоке уставилась на Леху – кто посмел так сочно лобызать Соболева! Но тот лишь безмолвно поморщился.

– А вы разве не завтра должны прилететь? – Егор был явно озадачен внезапным приходом.

– Поменяли билеты: Марина по дому соскучилась, – прозвучал незнакомый мужской голос.

Я нахмурилась: а это еще кто? Но выяснять воочию не хотелось: не в моем нынешнем состоянии.

– Ну что, ты так и будешь нас на пороге держать? Мог бы и чаю предложить, все-таки родной отец приехал, – капризно произнесла дама.

Ага, значит отец Егора пожаловал, тот самый папин партнер, которому и пришло в голову объединить две компании в непростые времена санкций. А дамочка – неужто любовница?

– Проходите, – их настойчивости, как и визиту, Соболев был явно не рад. А может просто не хотел меня показывать, и я его прекрасно понимаю – то еще зрелище.

– А так ты не один? – обвела глазами помещение Марина, оказавшаяся холеной блондинкой под сорок в небесно-голубом брючном костюме под стать дивану, который я на тот момент занимала, и повисшая на локте – моего! – Егора. По другую руку от нее стоял высокий представительный мужчина, одетый в простую футболку и джинсы. Оба загорелые и белокурые, из чего я смело сделала вывод, что прилетела парочка с курорта.

В то, что передо мной стоит отец Егора, отошедший от дел, по словам последнего, верилось с трудом. Ну или отошел от дел он вовсе не по состоянию здоровья, как я вначале подумала. Ха-ха, неискушенная жизнью Маруська! О том, что мужчины – ближайшие родственники, говорил лишь общий цвет волос, да глаз. И то, у отца с годами и те, и те заметно потускнели.

– Добрый день, – поздоровался с нами отец, его глаза ровным счетом ничего не выражали, так что о том, что он подумал о нашем сборище, остается только догадываться.

– Здравствуйте, – тихонько пискнула я с дивана, лелея надежду, что если затаюсь как мышка в углу, то на меня и внимания никто не обратит.

Петров встал и поприветствовал бывшего начальника рукопожатием, Марине же холодно кивнул:

– Марина Леонидовна.

– Алексей, – не осталась та в долгу.

Так-так, между этими двумя явно кошка пробежала, а может и целый выводок.

– Что же не представишь нам свою подругу, – мстительно улыбнулась Лехе дама, хозяйски располагаясь за столом и мерзко барабаня искусственными ногтями по блестящей лаковой поверхности. Эдакая горгулья с когтями. Надеюсь, Соболев-старший осознает, с кем связался.

– С удовольствием, – растянул губы в ехидной улыбке Петров и, приобняв меня за плечи, представил:

– Прошу любить и жаловать – долгожданная невеста моего лучшего друга, Павлова Мария.

Все взгляды вдруг устремились на меня, а я замерла в углу дивана с ногами, прикрытыми шерстяным пледом, с заплывшими глазами, украшенными вдобавок по кругу коричневыми пятнами от засохшей заварки, и, если бы могла, обязательно бы округлила глаза от изумления.

– Какого друга? – не врубилась Марина, или же просто отказывалась поверить в очевидное.

– Я, конечно, немного не так хотел сообщить, – обратился к родственникам Егор, – Но, можете поздравить, через месяц у нас свадьба. Маша, познакомься, это мой отец, Станислав Ильич, и его спутница Марина.

Сообщение настолько повергло всех находящихся в помещении в шок, что повисла немая пауза, достойная самого "Ревизора", а Марина даже перестала выстукивать когтями по столу. Я изо всех сил вцепилась в несчастное покрывало, чтобы не накинуться на Соболева прямо при всех – какая, нафиг, свадьба через месяц, если так называемая невеста ни сном, ни духом!

– Поздравляю! – первым отмер отец Егора и поднялся, чтобы пожать сыну руку, а потом еще раз оглядел меня, видимо пытаясь рассмотреть, что же такого его сын нашел во мне.

Худшего знакомства с будущим свекром я и представить не могла! И опять во всем Соболев виноват: не потащи он меня в галерею, взирать бы мне сейчас на родственников ясными очами, а не мечтать стереть всем присутствующим память или хотя бы вырубить по всей квартире свет.

Дамочка же взирала на меня как на мышь, дерзнувшую слишком уж приблизиться к носкам ее дорогущих дизайнерских туфель. И даже искусственная улыбка, наспех натянутая на губы, ни в малейшей степени не скрывала ее отношения к моему здесь присутствию. Скорее выглядело это, будто челюсти Марины Леонидовны свело непроизвольной судорогой, от чего та начала скрежетать зубами и попыталась замаскировать все это дело под улыбку.

И если Леху мадам просто недолюбливала, то я ей явно стала точно кость поперек горла. Только вот не ясно почему. Я еще могла бы понять, если бы настолько негативная реакция исходила от отца Егора, но уж точно не от его любовницы. "Мамы моей на нее нет!" – тихонько вздохнула я, вот уж кто бы точно смог нахалку на место поставить.

– Прощу прощения, – я встала: организм на стресс прореагировал нетривиально, или даже наоборот вполне естественно. Короче, я отправилась в туалет.

Там я поспешила поскорее избавиться от чайных разводов, украшавших, как оказалось, не только лицо, но и шею. Из зеркала на меня взирала девушка с красивым подбородком, розовыми губками, аккуратным носиком, но прекрасные черты заканчивались где-то в районе переносицы. Все, что было выше, принадлежало явно какому-то спившемуся элементу: переносица шириной в три пальца, заплывшие, превратившиеся в щелочки глаза с начавшими буреть синяками вокруг и всклокоченные, выбившиеся из хвоста, волосы, которые и в обычное-то время аккуратностью укладки не блещут. Ну что я могу сказать: повезло Егорчику с невестой. Хорошо еще одета я прилично: в домашние клетчатые штаны и однотонную футболку с длинным рукавом, хотя вряд ли это сильно влияет на образ в целом.

Я вздохнула, оглядела себя в зеркале еще раз, в попытке найти хоть что-то утешительное и, ясное дело, ничего подобного не найдя, отправилась обратно. Вот бы я вернулась, а гости уже каким-то чудом испарились. Но нет, сейчас же не новый год, и просто так заветные желания не исполняются: по пути в столовую я увидела о чем-то говорящего по телефону Соболева-старшего. Он мне кивнул и, отвернувшись, продолжил разговор.

На подступах к гостиной я услышала надменный голос Марины, а потому остановилась возле стеночки и входить не спешила, хотя Леха с дивана меня прекрасно видел, но присутствующим не выдал.

– Егор, милый, ну какая свадьба! – толковывала через чур уж участливая блондинка. – Ну понравилась девчонка, повстречался, пожили вместе, остыли, разбежались и адье. Зачем сразу в ЗАГС-то, у нее же явно ни воспитания, ни образования?

Вот стерва вислозадая! – сощурила я глаза и в порыве чувств проковыряла дырку в обоях, но тут же загладила ее пальцем. Если специально не приглядываться, то и не заметно.

– Марина, я уже взрослый мальчик и, смею полагать, научился разбираться в людях.

– Егор, очнись! – продолжала увещевать Марина и, судя по доносившимся звукам, театрально щелкала пальцами возле Соболевского носа. Лишь бы когтем не задела! – Ты же не только разводом рискуешь, но и репутацией нашей семьи! Ты приглядишься получше к этой оборванке, она же тебя с голым задом оставит. И всех нас заодно!

Что?! Оборванке? Да сама-то она кто! У меня хотя бы работа есть! – чужая наглость просто выводила из себя. Ответить нахалке Егор не успел, потому как я вихрем ворвалась в помещение и налетела на дамочку:

– Тетя Марина! Вас ведь можно так называть? – голосила я, хватая ту за руки и утягивая к дивану, – Все-таки вы Егорчику заместо мамы, не чужие, чай, люди! Хотите сегодня помочь мне платье выбрать? Только надо такое, чтобы животик видно не было, а то он скоро уже появится, – я раскинулась на диване и блаженно улыбнулась: мужики устали в мою сторону с разинутыми в глубочайшем изумлении ртами, а мадам застыла изваянием скорби, печали и навалившимся откуда не ждали проблемам.

А я, воодушевившись, произведенным эффектом продолжила:

– Хотите потрогать? – насильно приложила я ее ладонь к, ясное дело, пустому животу и надавила, чтоб та как следует ситуацию прочувствовала.

Дамочка скривилась и отдернула руку, словно я ее таракана заставила потрогать. Мадагаскарского, не меньше.

– Нет-нет, Маша, спасибо. К сожалению, мы заняты сегодня, – растерянно лепетала потрясенная, будто нокаутированная, женщина. – Стасик, поехали, мы уходим, – крикнула она в коридор и встала с дивана. Все движения женщины сделались замедленными, словно перед тем, как что-то сделать, ее мозгу приходилось трижды обработать информацию и только потом послать сигнал конечностям.

– Егор, я поговорю с отцом, может еще можно что-то сделать, – пробормотала она и отправилась в коридор, Соболев последовал за ней, оставив меня с Лехой наедине.

– До чего мерзкая баба! – покачала я головой, – Чувствую себя так, будто марафон пробежала.

– Похоже от тебя она тоже не в восторге.

– Ну, со мной-то все более-менее понятно, а тебя за что "Королева" не взлюбила?

– Раскопал всю подноготную и порушил красивую легенду о прекрасной даме, попавшей в беду, – усмехнулся Леха.

– Да-а-а? – протянула я, намекая на продолжение.

– Станислав Ильич жениться на ней собирался, да оказалось, что дражайшая Марина Леонидовна не так проста и невинна, как предпочитает казаться, вот и ходит до сих пор в любовницах. Муж ее из криминальных был, но до наших дней не дотянул: был убит неизвестными в самом конце девяностых. А дамочка к тому времени к жизни хорошей привыкнуть успела, вот и пришлось ей изо всех сил крутиться: устроилась работать в приват чат моделью.

– В приват чат? – перебила я.

– Ну да, это что-то типа секса по телефону, только через веб камеру. Так что репутация у Альмировой оказалась с душком. А с тобой и того проще, – расщедрился на информацию Леха, – есть у дамочки навязчивая идея выдать за Егора собственную дочурку, раз уж у самой с отцом не выгорело. Той как раз двадцать стукнуло – самый возраст для выгодного замужества.

Теперь ясно, почему я ей не по душе пришлась: дамочка-то у отца Егора с амбициями.

Глава 4

– Маша, а мне ты ничего сказать не хочешь? – появился Соболев с самым оскорбленным видом на свете.

– Только то, что о свадьбе через месяц можешь и не мечтать. И еще то, что у тебя с чувством юмора фигово, – пожалала я плечами и переглянулась с Лехой. Уж тот-то точно понял, что насчет беременности я преувеличила.

– Так ты ей наврала что ли? – не понял Егор.

– А нечего про меня гадости за спиной говорить!

– Слышала да? – обнял меня мужчина.

– Я, конечно, сегодня не фонтан, но больно уж ее распирало.

– Это все хорошо, голубки, – хлопнул в ладоши Алексей, – Но дела не ждут. Я тут нарыл кое-что на подозреваемых... – достал тот из кейса до боли знакомые синие папочки.

Не успела я как следует отойти от одного стресса, как на тебе – другой.

– Только не досье, – простонала я в потолок, а Егор, поняв в чем дело, рассмеялся.

– Давайте посерьезнее, – призвал нас к порядку Петров. – Меня вообще-то Ленка дома ждет.

Мужчины чинно расселись за столом, а я, припомнив, что в прошлый раз из этих бумажек ничего особо интересного и полезного почерпнуть не удалось, отправилась заваривать чай, прислушиваясь к их разговору в пол-уха.

Вкратце о претендентах на пропавшую картину поведал Леха следующее. Ольга Борисовна Ставская, тридцатипятилетняя хозяйка весьма процветающей сети салонов красоты и по совместительству любовница нынешнего главы местной администрации. Детей нет, не замужем, живет дама в свое удовольствие и, судя по всему, не бедствует, имеет в наличии недвижимость и автомобиль представительского класса. Долгов, ни официальных, ни по слухам, за Ставской не числится. Искусством она, конечно, интересуется, но отъявленной фанаткой прекрасного никогда не слыла. Из-за чего мужчины сообща сделали вывод, что вероятность ее участия в ограблении минимальна. То же мне, статисты-математики!

Виктор Иванович Машков, давний приятель Соболева-старшего, имеет более чем доходный бизнес – небольшой ювелирный завод, уже пару лет как вышел на пенсию и передал бразды правления сыну, Машкову Игорю Викторовичу. Была у Машкова еще и дочь, но лет десять назад покончила с собой. Поговаривают, что перед этим девушка весьма продолжительное время баловалась наркотиками, что и сыграло немаловажную роль в ее выборе.

При упоминании о дури меня аж передернуло: самый паршивый опыт в моей жизни.

Картиной товарищ интересовался довольно-таки энергично и в желании ее приобрести был настойчив, даже лично звонил Егору и давил на давнюю с его отцом дружбу. Когда узнал о грядущем аукционе и серьезных конкурентах, пришел в негодование, чего скрывать и не собирался.

По-моему, этот Машков очень даже годится на роль злодея.

Рында Олег Игнатьевич, широко известный в узких кругах коллекционер сорока с небольшим лет. Женат, детей нет, но по данным из проверенных источников сейчас находится в стадии развода и раздела имущества, что в моих глазах делало дядьку очень даже неблагонадежным.

– Вот точно этот украл! – воскликнула я, выплеснув немного чая на стол. – Не захотел с женой делиться и свистнул полотно, заодно и мне по макушке треснул, обидевшись на весь женский род, – погладила я себя по затылку, рана, хоть и начала потихоньку заживать, все еще прекрасно прощупывалась.

– Может и так, мы всех проверим, – успокоил меня Леха и подал полотенце.

– А что там с продавцом? – не стал вступать в полемику рациональный Соболев, и Леха, как по команде, вцепился в последнюю папочку.

– Продавец – некто Ротман Игорь Валерьевич, проживает в двухстах километрах к югу от нас, в соседнем крупном городе. По его словам, картину решил продать из-за того, что затеял довольно-таки затратное строительство загородного дома, а силенки-то свои не подрасчитал, вот и пришлось выкручиваться. Так что этого товарища исключать тоже нельзя.

– И что мы будем делать? – обвела я сидящих напротив мужчин взглядом и в соответствии с представшим взору зрелищем почувствовала себя рыцарем круглого стола, не меньше.

Егор, видимо в связи с отсутствием идей, последовал моему примеру и предоставил разработку стратегии другу. Леха откашлялся и выдал:

– Предлагаю весьма нетрадиционный метод, – почесал он нос. – Будем доставать подозреваемых регулярными звонками и сообщать зловеще что-то наподобие: "я знаю, что ты сделал прошлой ночью".

– И как это должно сработать? – не смогла постичь я гениальность замысла.

– Ну, в конце концов, виновный занервничает и совершит что-то такое, что его выдаст. Мы же не с заядлыми рецидивистами имеем дело, у которых нервы как стальные канаты, а с обычными людьми, одного из которых жизненная ситуация толкнула на нелицеприятный шаг. Возможно он даже уже сожалеет о том, что сделал. Ну и "наружку", конечно же, за каждым установим, я уже ребят предупредил.

– Можно и так, – кивнул Егор, а я поняла, что у них в городе не только доктора – приверженцы странных методов. Вполне возможно, что и весь город слегка "того". Во всяком случае мне пока встречаются лишь экземпляры со странностями...

– Может все-таки еще и лично со всеми поговорим, – робко предложила я дельную на собственный взгляд мысль. – Ну типа мы с Егором решили лично нанести визит столь важным для галереи клиентам и сообщить скорбную весть. Все-таки на кону стоит наша репутация...

– Согласен, личное впечатление никакая "наружка" не заменит, – заметил Егор, обращаясь к Лехе. Когда Петров тут главным успеть стал? – Можно еще им во время разговора сообщение скинуть, чтобы мы могли на реакцию каждого собственными глазами полюбоваться.

– Сделаем, – согласился начальник службы безопасности, сгребая папочки обратно в кейс. – Ну все, я отбываю, и так уже неприлично задержался.

– Боишься, Елена Петровна негодовать будут? – подколот товарища Соболев.

– Вот женишься, тогда и поговорим, – отбил подачу Леха с таким видом, будто знал что-то, нам пока недоступное.

– Ты женат? – сама не знаю почему, но я была абсолютно уверена в том, что Леха завязанный, безнадежный холостяк.

– Окончательно и бесповоротно, – подмигнул мне Петров и отбыл к заждавшейся супруге.

Оставшийся вечер прошел по-семейному тихо: мы болтали, готовили ужин и периодически обрабатывали мои увечья. При этом каждый раз настроение у Егора заметно падало, и мне приходилось прилагать немалые усилия, чтобы тот был весел, добродушен и не пускался крушить все вокруг. Ну а кого может привести в восторг лысина размером с чайное блюдце на затылке любимой невесты?

Леха, как и обещал, скинул нам контакты возможных злодеев, и Егор, не теряя времени, всех обзвонил и договорился о встрече. К несостоявшимся покупателям решено было ехать завтра, а обитающего в двухстах километрах от нас продавца мы решили навестить через день. Меня, ясное дело, Соболев брать с собой желанием не горел, но я пообещала прикрыть глаза очками, лысину – прической, еще и пригрозила, что, если он не хочет ехать вместе со мной, значит стесняется и не любит по-настоящему, а как я могу выходить замуж за того, кто меня

не любит... Короче, под натиском женской логики Егор был вынужден сдаться и уступить. А я порадовалась тому, что и в нынешнем состоянии можно найти свои плюсы.

Проснулись мы на следующий день по будильнику. Солнце, насколько могло, пробивалось сквозь плотные серые шторы, и первым делом я побежала к зеркалу проверить эффективность чайных компрессов.

На этот раз чудо-доктор смог-таки удивить: отек спал примерно на две трети, оставив мне конечно не ясные очи, но вполне себе приличные глаза, а желто-зеленые синяки прекрасно замазываются тональником. Жаль, что затылок подобными результатами не мог порадовать, и придется мне как-то исхитриться с прическами или покупать шиньон, как у бабушки. Только вот как его к лысине крепить-то, не на суперклею же?

В общем, на сборы мне понадобилось чуть больше времени и смекалки, чем обычно, хорошо хоть завтраком опять занялся Егор. Мне это определенно начинает нравиться.

Первым делом мы решили навестить Ставскую, которая любезно ожидала нашего визита в одном из салонов, расположенном в паре кварталов от Соболевского жилья. Я справедливо задумалась о ее адекватности – не в парикмахерских же креслах нам беседовать, но все оказалось не так грустно: у дамы в этом салоне оборудован кабинет под офис.

"Матрешка" – оценила я поэтическое название при входе. Интересно, что нас там ждет, комната в комнате? Но ничего такого, конечно же, в салоне не было. Внутри помещение оказалось оформлено в стиле под стать названию: расписанные в русском стиле стены, мебель с элементами хохломы и сотрудники, облаченные в фирменные передники. Все кресла в это время, кстати, оказались заняты клиентами. Хозяйка вышла встречать нас лично и проводила в кабинет, велев администратору принести всем кофе.

"Даже не спросила, что мы будем" – из вредности подумала я, хотя вряд ли бы сделала выбор в пользу чая.

Ольга Борисовна оказалась дамой с рыжими кудрявыми волосами и яркой внешностью, цвета в одежде предпочитала смелые: при встрече с нами она была одета в белоснежную блузу и насыщенно-синие штаны, что в сочетании с шевелюрой делало женщину очень даже заметной. Электронная сигарета в виде пухлого бочонка с торчащей сбоку трубочкой завершала нестандартный образ. Чего-то совсем не так я представляла себе Ставскую. Голос у дамочки оказался грудным и глубоким и подходил к образу как нельзя лучше. И вообще, она была какой-то целиком гармоничной, что ли. Я даже слегка позавидовала.

– Рад личному знакомству, – пожал ей руку Соболев и представил меня: – Павлова Мария Аркадьевна, новая управляющая галереей.

– Очень приятно, – кивнула женщина, с любопытством разглядывая меня. Так как очки в помещении пришлось снять, лицо мое предстало перед ней во всей красе, и к какому выводу пришла дама, знающая о цене женской внешности не понаслышке, догадаться не сложно.

– И мне, – пробормотала я и подумала, что лучше бы мне не выпендриваться и остаться в машине, как советовал Егор.

– Единственное, я не очень понимаю цель вашего визита. Аукцион, насколько я помню, должен состояться только завтра.

– Как раз это нас к вам и привело, – заговорил с постной миной Егор. – Вынуждены с прискорбием сообщить, что мероприятие отменяется: картину самым бесстыдным образом украли. Полиция уже занимается этим делом.

– Вот как, – запрокинув голову, Ставская выпустила клубы дыма или пара в потолок. Больше, конечно, похоже на дым, но знающие люди утверждают, что на самом деле это – пар.

– Сожалею, – развел руками Соболев. – Полиция, конечно, делает все, что в их силах, но будет ли картина найдена и когда, неизвестно. Поэтому, зная о вашей личной заинтересован-

ности в полотне, мы с Марией Аркадьевной, – бросил он на меня взгляд, – решили сообщить вам лично.

– Если пожелаете, мы в максимально сжатые сроки подберем вам что-нибудь подобное по ценности работы и настроению, – предложила я, как того и требовали обязанности управляющей.

– Да нет, спасибо, – усмехнулась она и выпустила еще одну клубящуюся струю пара. – Это все Колька хотел подарок сделать, вот я и выбрала назло ему, что подороже и понелепее.

– Колька? – сделал вид, что не понял о ком речь Егор, тем самым побуждая собеседницу развить интересующую нас тему.

Рыжая вздохнула и усмехнулась:

– Любовничек мой, Рогов Николай, если вы понимаете, о ком я, – пояснила Ольга и дала нам время осознать то, что мы и так знали благодаря стараниям Лехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.